

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
21 (84)

БЛИЖНИЙ ВОСТОК
И ИРАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1970

**„СОБРАНИЕ РЕДКОСТЕЙ“ НИЗАМИ АРУЗИ САМАРКАНДИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И
ИРАНА X—XII вв.
(Обычай. Реалии)**

Среди единичных памятников персоязычной художественной прозы, уцелевших до нашего времени от предмонгольского периода, одним из самых примечательных является „Маджма' ан-навадир“ („Собрание редкостей“), известный под обиходным названием „Чахар макале“ („Четыре беседы“).¹

Составленное поэтом Низами Арузи, уроженцем Самарканда, в середине XII в. (1156—1157 гг.), „Собрание редкостей“ остается, как утверждают знатоки, по сей день почти непревзойденным образцом персидского прозаического сочинения² по композиционной стройности, великолепной динамичности языка и истинному изяществу стилистической манеры. Рядом с ним, по мнению известного иранского ученого М. Казвини,³ можно поставить только несколько персидских сочинений: „Тарих-и Масуд“ Абу-л-Фазла Бейхаки, „Тезкире ал-аулийа“ Аттара, „Гулистан“ Саади, „Тарих-и гузиде“ Хамдаллаха Казвини и „Муншаат“ Каим Макама.

„Собрание редкостей“, характер которого А. Н. Болдырев образно определил как своеобразную апологию феодальной интеллигенции,⁴ представляет собой ценнейший источник историко-литературных сведений, самый ранний из всех, которыми располагает современная наука, и для многих сообщений единственный.

Именно Низами Арузи мы обязаны первыми биографическими све-

¹ Chahar maqala („The four discourses“) of Ahmad ibn Umar ibn Ali An-Nizami al-Arudi As-Samarqandi, edited, with introduction, notes and indices by Mirza Muhammad ibn Abd ul-Wahhab of Qazwin. GMS, vol. XI, Leyden, 1910; Чахар макале та'лиф-и Низами Арузи Самарканди, ба кушиш-и доктор Мухаммад Му'ин, чап-и саввум, Тегеран, 1957.

² См.: E. G. Browne. Revised Translation of the Chahar Maqala of Nizami-i Arudi. Cambridge, 1921, p. XI.

³ См.: Чахар макале . . . ба кушиш-и доктор Мухаммад Му'ин, стр. панж.

⁴ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или Четыре беседы. Перевод с персидского С. И. Баевского и Э. Н. Ворожейкиной под редакцией А. Н. Болдырева. М., 1963. См. предисловие А. Н. Болдырева, стр. 14.

дениями об известных поэтах: ⁵ Рудаки, Унсур, Фаррухи, Муиззи, Фирдауси, Азраки, Рашиди, Масуд-и Сад-и Салмане, Омар Хайяме. Рассказ Низами Арузи о встрече с Омаром Хайямом в 1112—1113 гг. в Балхе представляет собой единственное воспоминание современника о великом поэте-вольнодумце. Значительно расширяет наши представления о литературной жизни Ирана и Средней Азии в предмонгольское время -перечень поэтов (свыше шестидесяти имен), который приводит автор „Собрания редкостей“. Здесь же мы находим текст одного из самых старых стихотворений на новоперсидском языке — строки тахридского поэта Ханзеле Бадгисского (ум. в 835 г.), диван которого утрачен.

Историко-литературные материалы „Собрания редкостей“ уже достаточно широко использованы в литературоведческих исследованиях.⁶

Как источник культурно-исторических и этнографических сведений сочинение Низами Арузи исследовано мало. Между тем богатство содержащихся в сочинении сообщений социально-бытового и нравописательного характера позволяет говорить о нем, как о редком документе эпохи, проливающим свет на недостаточно изученную еще жизнь предмонгольского города и внутренний быт феодального двора. Для многих из этих сообщений мы не находим аналогий в сравнительно близких по времени персоязычных источниках: „Кабус-наме“, „Тарих-и Наршахи“, в том числе и в наиболее насыщенной конкретными жизненными деталями летописи Бейхаки.

Рисуя в живых сценах внутренний быт феодальных дворов, Низами Арузи приводит описание ряда обычаев, существовавших в Иране и Средней Азии в X—XII вв. Сведенные воедино, эти описания могут составить любопытное этнографическое свидетельство, важность которого трудно переоценить, учитывая скудость наших представлений об этом аспекте человеческой истории,⁷ едва ли не самом характерном для национальной истории народа и его культуры.

⁵ Старейшее из дошедших до нашего времени тезкире — свод биографий и образцов творчества персидских и таджикских поэтов — „Лубаб ал-албаб“ Мухаммада Ауфи, составлено в 1236 г., т. е. шестьдесят лет спустя.

⁶ См.: А. Е. Крымский. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии, ч. II. М., 1912, стр. 21 и сл.; Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы. М., 1960, стр. 96, 125—126, 456, 485—486 и др.; E. G. Brown. A Literary History of Persia, vol. II. Cambridge, 1951, pp. 13, 14, 29, 34—35, 38—39, 88 и др.; Dějiny perské a tádzické literatury. Za redakce Jana Rypky. Praha, 1963, pp. 75, 87, 121, 186 и др.; Забихулла Сафа. Тарих-и адабийат дар Иран. Джилд-и 2, Тегеран, 1336/1957, стр. 9, 20, 53, 347, 923—941 и др.

⁷ См. об обычаях: Н. А. Кисляков. 1) Персы. Этнографический очерк. Сов. этнография, 1953, № 3, стр. 92—111; 2) Сочинение Абу-Бекра Мухаммеда Наршахи „История Бухары“ как этнографический источник. Труды АН Таджикской ССР, т. XXVII, 1954, стр. 57—67; К. А. Иностранцев. Обычай прикаспийского населения Персии в X веке. Пб., 1909; Книга персидских женщин (Китаб-и Кульсумане). Обычай, нравы и поверья персидских женщин. Пер. с французского М. Гаврилова. Ташкент, 1912; Henri Massé. Persian Beliefs and Customs. New Haven, 1954.

Для истории дипломатических отношений интересно сообщение Низами Арузи о снаряжении послов. „Некогда, в давние времена, — пишет он, — среди царей и правителей, таких, как пишдадиды, кийаниды, цари рода Хусраева и халифы, было в обычае состязаться между собой в справедливости и просвещенности. И когда, бывало, отправляли посла, снаряжали его искусными вопросами, загадками и шарадами. И у царя посему была нужда в людях умных и проникательных, и в мужах, [сильных] советом и суждением. И бывало, не один раз сядут маджлисом и встанут, прежде чем в решении тех вопросов не сойдутся на одном, и те загадки и шарады не станут явными и очевидными. И тогда посла отправляли... Порядок этот держался до времени султана Махмуда, с приходом же Сельджукидов большая часть августейших обычаев была утрачена“ (изд., стр. 40—41).⁸

Низами Арузи сообщает об обычае пиэтета, существовавшем в Мазендеране в начале XI в. по отношению к ученым и наставникам. Обычай этот упомянут применительно к Авиценне (980—1037). К моменту выезда ученого из дома (трудовой распорядок дня Авиценны был напряженным и твердым) у его дверей собирались всадники — ученики, почитатели, заявители нужд; почетным эскортом они сопровождали едущего верхом Авиценну до здания дивана. Во время пути в их ряды вливались все новые и новые почитатели, доводя общее число всадников, по словам Низами Арузи, до двух тысяч (изд., стр. 126—127).

В уста поэта Муиззи (ум. между 1123—1127 гг.) вложен рассказ о том, как Малик-шах (1072—1092), третий правитель из династии Сельджукидов, со свитой выходит из шатра на заходе солнца, чтобы встретить нарождающийся месяц. Тому, кто первым увидит узкий серп молодой луны, это служит добрым предзнаменованием (изд., стр. 67—68).

Низами Арузи упоминает о голубиной почте, применявшейся в военном деле в эпоху Саманидов. Известный своим искусством дабир Абул-Касим Али Исафи Нишапури, посланный Нухом ибн Мансуром (976—997) на место сражения у Рея для ежедневных обстоятельных донесений, выпускает голубя с первой вестью о победе, образно изложив ее в пяти арабских словах на листке бумаги „пальца в два“ (изд. стр. 25—27).

Чрезвычайно интересно свидетельство Низами Арузи о существовавшей в полицейском сыске у Газневидов практике множественного копирования портрета разыскиваемого лица. Охотясь за Авиценной, султан Махмуд (999—1030) заказывает художнику портрет ученого; сделав с него сорок копий, рассылает их по областным правителям с царским указом найти изображенного человека и доставить ко двору (изд., стр. 120).

⁸ Ссылки даны на критический текст издания, подготовленного иранским ученым Мух. Му'инном: Чахар макале та'лиф-и Низами Арузи Самарканди... чап-и саввум, Тегеран, 1957; цитаты приводятся по русскому переводу С. И. Баевского и З. Н. Воровкейкиной, опубликованному в 1963 г.

Повествуя об удачном случае своего врачевания в Герате, Низами Арузи упоминает бытовую обычай палить возле больного над огнем птицу, чтобы чадом от жженных перьев и мяса привести в чувство потерявшего сознание (изд., стр. 134). Отмечен в сочинении для начала XII в. и имевший распространение среди женщин обычай заказывать в лавке предсказателя любовные амулеты, которые тот „писал“ за плату (изд., стр. 103).⁹

Но, разумеется, большая часть сведений Низами Арузи, в соответствии с назначением его труда, относится к жизни двора, прежде всего к ее парадной стороне. Много внимания уделено описаниям дворцовых пиршеств. В этих картинах нашел свое живое отражение обычай круговой чаши.¹⁰ Он упомянут для двора Абу Музафара Чаганиана, правившего в начале XI в. в Средней Азии, в районах нынешнего Гиссара и Термеза (изд., стр. 63), и для двора Гуридов, расположенного в начале XII в. в долине Бамийана, в центре нынешнего Афганистана (изд., стр. 84, 85). Чаша, по-видимому, находилась в непрерывном движении: Низами Арузи пользуется периодом ее обращения как своеобразной мерой времени: экспромт в пять бейтов, быстротой и искусством составления которого автор тщеславно гордится, был сложен им „прежде, чем чаша с вином сделала два круга“ (изд., стр. 85).

Музыка¹¹ и декламация стихов неизменно сопровождали не только любое пиршество: поэты и мутрибы входили в состав постоянной будничной свиты правителя, имевшей доступ в его личные покои; упоминается, что у каждого поэта было свое определенное место (изд., стр. 52). Пленительна по своей наглядной живописности у Низами Арузи сцена утреннего опохмеления саманида Насрибн Ахмада (914—942): эмир в утреннем неглиже, босой, осушает свою первую чашу вина, рядом — играющие музыканты и поющий стихи поэт Рудаки с чангом в руках (изд., стр. 52).

Превыше всего ценилась в дворцовых собраниях поэтическая импровизация, которую Низами Арузи называет „краеугольным камнем поэтического искусства“. „В служении падишаху, — пишет он, — нет ничего лучшего, чем составление экспромтов, так как стихом, сказанным к случаю, увеселяется дух падишаха и оживляются собрания, а поэт достигает желаемого“ (изд., стр. 48). Книга Низами Арузи содержит яркие тому примеры. Остроумный экспромт Унсуре (960—1139) по поводу остриженных сгоряча локонов турчонка Айаза в миг

⁹ О женских амулетах и талисманах см.: Книга персидских женщин (Китаб-и Кульсум-нанэ), стр. 77—80. Упоминаются амулеты, написанные на бумаге и вырезанные на камне.

¹⁰ Обычай круговой чаши не отражен, по-видимому, в „Шах-наме“. В специальной работе Ф. А. Розенберга „О вине и пирах в персидской национальной эпопее“ (Пб., 1918) этот обычай не упомянут. В „Тарих-и Мас'уд“ Бейхаки круговая чаша упоминается, см.: История Мас'уда 1030—1041. Вступит. статья, перевод и примечания А. К. Аренда. Ташкент, 1962, стр. 153 и др.

¹¹ О роли музыки в бытовом укладе жизни см., например: Книга персидских женщин (Китаб-и Кульсум-нанэ), стр. 41—46.

развезал „похмелье дурного настроения“ султана Махмуда, и, начиная с утра, „весь тот день до самой ночи пили вино под пение этих стихов“ (изд., стр. 57). Находчивому поэту султан Махмуд трижды наполнил рот драгоценными камнями (изд., стр. 57).

Известный обычай наполнения рта особо угодившего поэта золотыми монетами или драгоценными камнями часто упоминается Низами Арузи. Туган-шах ибн Алпарслан Сельджукид расцеловал в глаза поэта Азраки (ум. в 1072—1073 г.), ловко перетолоковавшего в стихах неудачу эмира в игре в нарды, велел подать пятьсот золотых динаров и „совал их ему в рот, пока не осталось ни одной монеты“ (изд., стр. 70—71). Низами Арузи вспоминает, как сын его патрона Шамс ад-Дауле ва-д-Дин Мухаммад ибн Масуд Гурид (ум. в 1192 г.) отблагодарил его за счастливо сбывшееся предсказание: „Он велел подать золота и дважды наполнил мой рот. И сказал: «Больше не лезет. Подыми рукав!» Я поднял рукав — он наполнил его золотом“ (изд., стр. 105).

В составе почетных даров наряду с золотом и драгоценными камнями чаще всего упоминаются конь с золотым убранством, платье, гулямы и невольницы. Султан Махмуд во искупление учиненной несправедливости жалует, по преданию, знаменитому ученому Абу Райхану Бируни (973—1048) коня в золотой сбруе, царский халат, парчовую чалму, тысячу динаров, гуляма и невольницу (изд., стр. 94). Мансур ибн Нух ибн Наср из рода Саманидов в благодарность за чудесное исцеление дарит известному врачу и философу Мухаммаду ибн Закарийа Рази (854—932) коня со всем снаряжением, верхнее платье, чалму, гуляма и невольницу (изд., стр. 117). За первое удачное выступление при Чаганийанском дворе поэт Фаррухи (ум. в 1037—38 г.) получил в виде награды коня в царском убранстве, две палатки, три мула, пять невольников, одежды и ковры (изд., стр. 65). Поэту Фаррухи было тут же предоставлено право для потехи захмелевшей компании взять себе голыми руками в тысячеголовом табуне хатланских жеребят столько, „сколько захватишь“ (изд., стр. 64).

Низами Арузи сообщает также о следующем распространенном в Мавераннахре обычае одаривания гостей: „В Мавераннахре существует такой обычай, что в маджлисах падишаха и в других собраниях кладут на блюдо как угощение золото и серебро. И это называют «сйм така йа джуфт» („деньги чет и нечет“). В маджлисе караханидского султана Хизра ибн Ибрахима, „великого любителя поэтов“ (вступил на престол в 1079—80 г.), сообщает автор далее, „насыпали обычно для раздаривания четыре блюда красного золота. И в каждом — двести пятьдесят динаров. И он пригоршнями это раздаривал“ (изд., стр. 74—75).

Подробно описан в сочинении ритуал встречи царственного гостя, Аббасидского халифа Мамуна (813—833), прибывшего со свитой во дворец своего везира и будущего тестя Фазла ибн Сахла (убит в 817—18 г.) с тем, чтобы, согласно уговору, прожить в доме ново-брачной месяц и увести ее затем к себе. Упоминаемый в „Истории

Бухары“ Наршахи (899—959) обычай при встрече знатных лиц бросать перед ними золото или серебро, равно как и обряд осыпания молодоженов деньгами, сухими фруктами, мелким печеньем и орехами,¹² здесь получил новое содержание. „Из множества затей, которые устроил в тот день Фазл, — сообщает Низами Арузи, — одна была такая. Когда Мамун достиг внутренних покоев дворца, к ногам его высыпали целое блюдо, наполненное восковыми орешками, с виду похожими на жемчужины, в каждый из которых был вложен листок бумаги с написанным на нем названием одной из деревьев. И каждому из свиты Мамуна, кому достался тот кусочек воска, была вручена дарственная грамота на ту деревню“ (изд., стр. 34).

Некоторые сведения можно почерпнуть из „Собрания редкостей“ об этикете торжественных выездов. Когда упомянутый уже выше султан Хизр ибн Ибрахим выезжал верхом, „впереди его коня несли семьсот золотых и серебряных палиц (*гурэ*), не считая другого оружия“ (изд., стр. 73). Как на свидетельство высшего благосостояния поэта Фаррухи при Газневидском дворе Низами Арузи указывает на его выезды в сопровождении двадцати гардюющих гулямов с серебряными поясами (изд., стр. 65). Вскользь упомянут для Аббасидского двора обычай местничества (изд., стр. 90).

Устами кедхуды эмира Абу Музаффара дано описание праздника весеннего клеймения табунов при Чаганийанском дворе. Эти табуны насчитывали, как „слышал“ Низами Арузи, восемнадцать тысяч кобылиц, каждая с жеребенком за хвостом. Описание кедхуды точно повторено в написанной по заказу касыде Фаррухи: здесь упоминается множество павильонов, разбитых на фоне весеннего загородного пейзажа, яркие светильники, костер перед дворцом эмира „высотой в несколько гор“,¹³ людные гулянья, сам эмир с чашей вина в одной руке и арканом в другой, одаривающий конями своих приближенных (изд., стр. 59—61).

Даже при критическом подходе к исторической достоверности сообщений, на которой строит свои новеллы Низами Арузи, эти описания обычаев могут быть приняты как типологические модели поведения, характерные для определенного этапа человеческой истории.

Заслуживает специального внимания и описание реалий, которое можно найти в „Собрании редкостей“.

Свидетельства письменных памятников наравне со свидетельствами средневековой миниатюрной живописи могут быть привлечены, как уже показала наука,¹⁴ в качестве сравнительного и дополнительного источ-

¹² См.: Н. А. Кисляков. Сочинение Абу-Бекра Мухаммеда Наршахи... стр. 61—62.

¹³ О древнем обычае разведения высоких костров во время празднеств см.: Н. А. Кисляков. Сочинение Абу-Бекра Мухаммеда Наршахи... стр. 60.

¹⁴ См., например: В. В. Стасов. Миниатюры некоторых рукописей — византийских, русских, персидских. СПб., 1902; О. И. Галеркина. Материальная культура Средней Азии и Хорасана XV—XVI вв. по данным миниатюр ленинградских собраний. Автореферат канд. дисс., М.—Л., 1951.

ника к скудным еще доньше для средневекового города вещественным данным. В ряде случаев письменные памятники содержат уникальные свидетельства по истории материальной культуры и быта народов, не нашедшие еще подкрепления в археологических параллелях. Правоммерно поэтому ставить вопрос о сквозном учете, своего рода „инвентаризации“ предметов материальной культуры, описание которых содержат средневековые памятники письменности.

Низами Арузи не приводит, к сожалению, почти никаких данных о городской архитектуре,¹⁵ достигшей в его время совершенного расцвета. Автор только бегло упоминает о павильоне с четырьмя дверьми, ведущими на выход, на крыше султанского дворца в Газне, в саду Тысячи деревьев, где сидел с надимами, согласно рассказу Низами Арузи, султан Махмуд. У средней крыши этого дворца был натянут тент (*дәмй*), спасший жизнь Абу Райхану Бируни, сброшенному из павильона во двор за неугодную для султана догадливость (изд., стр. 92).

Больше сведений можно найти в сочинении относительно дворцовых интерьеров. Значительный интерес представляют упоминания Низами Арузи о стенной росписи дворцов, образцы которой до нас не дошли, равно как и об облицовке стен цветными изразцами и алебастровыми барельефами, об искусно вытканых и расшитых коврах и подушках. В этих скупых описаниях дворцового убранства можно уловить высокий уровень изобразительного искусства, восходящего к далеким доисламским традициям иранского народа, продолжавшим свое развитие вопреки враждебному отношению ислама.

Покои дочери-невесты во дворце уже упоминавшегося Фазла ибн Сахла Бармакида были украшены резным алебастром (*муджаффа*), настенной живописью (*мунаккаш*) и цветными изразцовыми панелями (*изър-и чини заде*). Вся комнату застилал ковер (*хафар*), усеянный золотыми блестками и расшитый жемчугами, рубинами и бирюзой. На ковре лежало шесть таких же подушек (*балиш*). Узорный медальон на поле ковра — *садр* — обозначал самое почетное место, на которое и был посажен невестой вошедший в покои царственный жених¹⁶ (изд., стр. 34—35).

Несколько раз упоминаются в сочинении молитвенный коврики¹⁷ (*мусалла* — изд., стр. 68, 109) и подушки или ковровые тюфяки (*нахалй*), покрывающие царский трон — трон Махмуда Газневида (изд., стр. 92) и трон Аббасидского халифа Мамуна (изд., стр. 90). Под этот тюфяк в обоих случаях прячут как в тайник записки, содержание которых должно остаться на какое-то время скрытым. Такие же подушки или тюфяки были разложены перед тронном гурганского правителя Кабуса Зийарида (976—1012); на них садился правитель рядом с особо почетными гостями, в данном случае с Авиценной (изд., стр. 123).

¹⁵ В сочинении приводится название некоторых улиц: улица Работорговцев в Балхе, улица Куполов в Исфахане (изд., стр. 100, 103).

¹⁶ Подробнее о *садре* см.: Абу-л-Фазл Байхаки. История Мас'уда 1030—1041, стр. 125.

¹⁷ Молитвенный коврики из шелка бирюзового цвета упомянут у Байхаки (там же, стр. 163).

Высокий уровень художественной традиции можно проследить и в сообщениях Низами Арузи о качестве дорогих узорных тканей, славившихся своим великолепием, как известно, по всему Востоку в IX—X вв. и сохранившихся до нашего времени только в немногочисленных образцах.¹⁸ Описание тканей у Низами Арузи заключено в выразительный эпизод, показывающий, что качеству тканей и их расцветке придавалось большое значение.

Желая, как это было в обычае, сообщает Низами Арузи, надеть к свадьбе лучшие одежды, аббасидский халиф Мамун осматривает свои гардеробы (*джамеханех*). „И среди тысяч *каба* разных атласов (*атлас*), называемых *маадан*, *малики* и *тамим*, и парчовых (*насадж*), и золототканых (*мумазадж*), и макразийской (*макраз*) ткани, и тонкого шелка (*аксун*) ни одного не одобрил“. Он облачился по своему обыкновению в черное платье, которое предпочитал всякому, говоря, что „черное — это одежда мужей и одежда живых, ибо ни одну женщину не выдают замуж в черном и ни одного покойника не погребают в черном“.¹⁹ Подъехав к воротам дворца Фазла, Мамун увидел „занавес цветистее китайского капища и драгоценнее знамени истинной веры. Узор его запечатлевался в сердце, и цвет его проникал в самую душу. [Мамун] повернулся к надимам и сказал: «В любой из той тысячи *каба*, какую бы из них я не выбрал, предстал бы я здесь опозоренным. Хвала господу и благодарение ему, что я удовольствовался этой черной одеждой»“ (изд., стр. 32—34).

Из предметов мужской одежды в „Собрании редкостей“ упоминаются, кроме *каба*, верхний халат — *джубба* (изд., стр. 59, 117), в составе царских даров — халат из ценного шелка — *джубба-и малики* (изд., стр. 94), плащ — *рида* (изд., стр. 90), шальвары — *ранин* (изд., стр. 114), под которыми, по мнению Му'ина, имеются в виду кожаные или стеганные на войлоке шальвары для верховой езды,²⁰ портянки (*пайтабе* — изд., стр. 91), сапоги (*мўзе* — изд., стр. 53, 84) и башмаки (*кафи* — изд., стр. 59, 124).

Царская парчовая чалма (*дастар-и қасаб*) упоминается в составе почетных даров (стр. 94). В „огромной сигзийской чалме“ предстает впервые оборванный поэт Фаррухи при Чаганийанском дворе (изд., стр. 59). О длине развернутой чалмы можно судить по деталям лечебной процедуры, примененной врачом Джузджани (конец X в.) к носильщику, страдающему головными болями. Один конец чалмы носильщика был затянут на его шею, другой находился в руках ездока, который по приказу врача долго гонял носильщика по степи (изд., стр. 124). Башмаки (*кафи*) этого же носильщика, отличающегося могучим телосложением, весили, как сообщает Низами Арузи, каждый полтора манна, т. е. более четырех килограммов.

¹⁸ А. А. Семенов. Эпоха Рудаки. Рудаки и его время. Душанбе, 1958, стр. 11.

¹⁹ См.: Книга персидских женщин (Китаб-и Кульсум-нане), стр. 91: „Шелк черный, синий и желтый не приносит счастья, а приносит счастье белый и красный“.

²⁰ Чахар макале та'лиф-и Низами Арузи Самарканди. . . чап-и савум, стр. 53, прим. 4.

Из предметов женского туалета автор упоминает только покрывало (*макна'е* — изд., стр. 95, 114) и шальвары (*шалвар* — изд., стр. 114).

Даны также сведения о снаряжении воинов: основными составными частями этого снаряжения называются кольчуга (*джаушан*), щит (*сипар*) и копье (*найзе*) (изд., стр. 97). Как символ воинской мощи автор упоминает воинов, „одетых в броню“ (*аханпџи*), численностью в пятьдесят тысяч для гуридского султана Ала ад-Дунџа Джакансуза (1148—1156 — изд., стр. 5) и воинов, одетых в кольчугу (*зирихпџише* — изд., стр. 26), численностью в десять тысяч для Макана ибн Какуйи (убит в 940—941 г.).

В сочинении фигурируют следующие предметы жизненной обстановки. Нарды — в них играет в рассказе Низами Арузи сельджукидский принц Туган-шах, наместник Алпарслана (1063—1072) в Хорасане, с поэтом Ахмадом Бадиhi в игру „десять тысяч“. ²¹ Игроки метают три кости, а не две, как в современных нардах. Нарды с тремя костями и соответственным расположением клеток (домов) упоминаются, как сообщает комментатор „Собрания редкостей“ М. Казвини, ²² и в других средневековых источниках: в „Джами' ал-хикайат“ Ауфи, в диване Хакани, в „Гулистане“ Саади.

Малик-шах, по словам Муиззи, выходит встречать молодой месяц с гурухским луком в руках (*каман-и гурџе*), т. е. луком, который стреляет шариками или комочками глины (изд., стр. 67). Поэты Рудаки (ум. в 941 г.) и Фаррухи поют стихи, аккомпанируя себе на арфе (*чанг* — изд., стр. 52, 58). ²³

Придворному поэту Муиззи приносят через посыльного вознаграждение в завязанном и запечатанном мешочке, носящем название *мухр* (изд., стр. 67). *Мухр* в том же значении денежного подарка упоминается в тезкире Ауфи и в поэтике Шамс-и Кайса. ²⁴

Астрологи при вычерчивании гороскопа пользуются специальной доской с землей (*тахт-и хак* — изд., стр. 90); при феодальных дворах были широко распространены, как можно проследить по рассказам, книжкалендари и поденные гороскопы (изд., стр. 92, 99).

Из утвари упоминается поднос (*хан* ²⁵ — изд., стр. 114), на котором старшая по столу служанка вносит угощение в личные покои правителя,

²¹ Одна из семи игр в нарды.

²² Чахар макале та'лиф-и Низами Арузи Самарканди. . . чап-и саввум, стр. 70, прим. 1 и 2.

²³ Рудаки поет свою знаменитую касыду „Бу-йи джу-йи Мавлийан“ в ладу 'ушшак. Это первый и, вероятно, самый древний из двенадцати музыкальных ладов арабской и иранской музыки, образованный из диатонической гаммы. См.: Абдурахман Джами. Трактат о музыке. Пер. А. Н. Болдырева и В. М. Беляева. Ташкент, 1960, стр. 32, 84.

²⁴ У Ауфи: „ . . . прошел час, и гулямы вошли и положили перед каждым штуку атласа и запечатанный мешочек (*мухр*) с золотом“. У Шамс-и Кайса: „ . . . спустя несколько дней прислал красивую одежду и мешочек (*мухр*) с золотом“. См.: Чахар макале. . . чап-и саввум, стр. 67, прим. 3.

²⁵ Средневековые словари объясняют это слово как большое блюдо, сделанное из дерева. См.: Бурхан-и қати ба ихтимам-и Муҳаммад Му'йн, джилд-и дуввум, Тегеран, 1342/1963, стр. 783.

принимающего гостя (Авиценну). Сняв поднос с головы, служанка ставит его на пол.

Помимо блюд (*табақ*) с угощением и деньгами, о которых сказано выше, в „Собрании редкостей“ упоминаются мерные сосуды для сыпучих тел (*кйл*) емкостью в пять маннов, мешки (*даббе*) и корзины (*занбйл*) для хранения провианта (изд., стр. 58), прозрачные стеклянные сосуды (*қаруре*, *тафсире*), в которых носят, преимущественно по утрам, врачам на исследование мочу больного (изд., стр. 115, 116, 124, 129, 131). Упоминаются также нож (*кәрд*), перо (*қалам*), чернильница (*давәт*), топор (*тйше*), лопата (*бйл*), лодка (*кишти*),²⁶ рыболовные сети (*шаст*) (изд., стр. 56, 90, 92, 97 и др.).

Выше названы еще некоторые предметы, входящие в состав почетных даров.

Сочинение дает некоторые сведения о кушаньях. В рассказе о каталикосе Фарса, пользовавшем Фазла ибн Йахйа Бармакида (род. в 765—66 г.), упоминаются *нухӯд аб бй гӯшт-и макпйән-и йаксале* — гороховый суп с мясом годовалой курицы, *халвй, зйрбй-й и му'аққад* — густая похлебка из жирной курицы с тмином и уксусом, *кавймих* — кушанье из кислого молока с пряностями, *равйсйр* — маринованные овощи, *туршйхй* — маринады, *лабнийәт* — кушанья из молока и творога, *кйле* — жирное острое кушанье из овечьего молока, *анбиджйт* — плоды манго (изд., стр. 131). Упоминается также *шербет* (изд., стр. 134), а как лечебное средство врачом рекомендуется куриный желток, растертый с медом (изд., стр. 131), и скорлупа фисташки с аскарским сахаром²⁷ (изд., стр. 129).

Подробно сообщает Низами Арузи о фруктах, имевших распространение в окрестностях Герата во времена Рудаки: „... в окрестностях Герата можно насчитать сто двадцать сортов винограда, один другого слаще и приятнее. И среди них есть два сорта, которые нельзя найти во всей Обитаемой четверти земного круга: первый — это *парнййән*, а другой — *калинджари*; тонкокожий, с мелкой косточкой, сочный, так что в нем, казалось бы, нет и частицы земной природы. Бывает, что у калинджарй одна гроздь весит пять маннов и каждая ягода — драхму. Черный он как смола и сладкий как сахар. И его благодаря сочности можно съесть много“ (изд., стр. 50—51). Наибольшей славой по качеству и дешевизне пользовались в окрестностях Герата фрукты области Малин и городка Карух.²⁸ В Малине производили кишмиш и коринку (*мунаққй*); из Систана привозили мандарины, а из Мазендерана — апельсины (изд., стр. 51).

²⁶ Не лишено интереса сообщение Низами Арузи, что ежегодно через реку Джейхун в лодке переправляется 25 тысяч человек (изд., стр. 115).

²⁷ М. Му'ин соотносит это название с древним городом Аскара, находившимся в области Хузистан. См.: Чахар макале та'лиф-и Низами Арузи Самарканди... чап-и саввум, стр. 129, прим. 7.

²⁸ Область Малин находилась в 12—15 км от Герата; городок Карух — в 25 км.

Историко-культурное значение труда Низами Арузи Самарканди, разумеется, значительно шире. Сочинение дает полезные материалы для суждения об эстетических канонах эпохи и о критериях образованности; ярко, как никто другой, показывает Низами Арузи в типизированных деталях быт придворных поэтов, секретарей-письмоводителей, астрологов и врачей, составляющих, по его мнению, четыре столпа, на которых покоится благоденствие трона. И, наконец, основная ценность „Собрания редкостей“ — это великолепные картины средневековых феодальных нравов, которые автор живописует с поразительной рельефностью.

Мы располагаем весьма скудными сведениями о жизни автора „Собрания редкостей“.

Низами Арузи, по имени Наджм ад-Дин Ахмад ибн Омар ибн Али, происходил из Самарканда. „Собрание редкостей“, как можно установить из изложения, написано им на седьмом десятке; следовательно, рождение Низами Арузи следует отнести к концу XI в. „Собрание редкостей“ позволяет восстановить лишь скудные хронологические вехи его жизни. В 1110—1111 гг. Низами Арузи находился в Самарканде, где собирал, в частности, сведения о поэте Рудаки, которые впоследствии включил в сочинение. 506/1112—13 г. датируется встреча Низами Арузи с Омаром Хайамом в Балхе. В 509/1115—16 г. он был в Герате, годом позже — в Нишапуре, откуда, терпя нужду, добирается до Туса; здесь при поддержке поэта Муиззи заслуживает расположение султана Санджара. В Тусе Низами Арузи посещает могилу Фирдауси, собирая живые воспоминания о великом поэте. В 512/1118—19 г. возвращается в Нишапур, в 530/1135—36 г. посещает этот город еще раз и плачет над свежей могилой Омара Хайама. В 547/1152—53 г. прячется в окрестностях Герата вместе с армией Гуридов, терпящих поражение от султана Санджара.

В дальних разъездах, из которых, по-видимому, в его книге перечислены не все, Низами Арузи собирал предания и исторические анекдоты из жизни знаменитых людей; они легли в основу сорока двух новелл, составивших главную ценность „Собрания редкостей“.

В течение сорока пяти лет Низами Арузи состоял на службе у Шансабидских правителей Гура и Бамийана, правивших (1148—1215) на обширной территории, куда входили Афганистан, Восточный Хорасан и Северная Индия. Гуридскому царевичу Абу-л-Хасану Али, сыну Фахр ад-Дина Масуда, и посвятил Низами Арузи свою книгу, замыслив ее, по удачному определению А. Н. Болдырева, как своего рода „руководство для начинающих монархов“.²⁹

Литературное имя Арузи показывает, что автор „Собрания редкостей“ был признанным знатоком *руза* — квантитативной метрической системы персидского стиха. Человек широкой образованности, как свидетельствует его труд, Низами Арузи при случае практиковал и как врач, и как астролог, не скрывая, впрочем, своего неверия в предсказания по звездам. Свою дочь, родившуюся 12 июля 1116 г., Низами Арузи с пятнадцати лет также обучал астрологии.

²⁹ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или Четыре беседы, стр. 13.

По свидетельству Хамдаллаха Мустауфи, у Низами Арузи был сын — Садр ад-Дин Мухаммад ибн Хасан Низами, который в 1235 г. составил труд по истории Индии „Тадж ал-маасир“.³⁰

Стихотворения Низами Арузи не представляли, по-видимому, большой художественной ценности, они не дошли до нашего времени, за исключением нескольких коротких фрагментов. Прозаическое же сочинение „Собрание редкостей“ пользовалось на протяжении веков выдающейся популярностью в Иране. Оно было повторено и переложено в отдельных частях рядом позднейших сочинений.³¹ Оно переведено на многие языки мира — русский, английский, французский, арабский, турецкий, урду.³²

Низами Арузи Самарканди за создание этого единственного сочинения заслуживает быть причисленным, по общему признанию, к величайшим творцам персидской литературы.

S. I. Bayevsky, Z. N. Voroejkina

„MAJMA' AN-NAVADIR“ OF NIZAMI 'ARUZI SAMARQANDI
AS A SOURCE OF THE HISTORY OF CULTURE OF CENTRAL
ASIA AND IRAN IN THE X—XII CENTURIES
(CUSTOMS. REAL THINGS)

This well-knowne composition of Persian prose, the „Majma' an-nawadir“ or „Chahar Maqalah“ of Nizami 'Aruzi of Samarqandi was composed in 1156—1157. The writer was born at Samarqand. The value of the work is not due so much to its literary qualities as to the author's nearness in time to the political, social, historical-cultural facts which he speaks about.

The article characterises the customs and the way of living in Iran and Central Asia about which was written in this book.

---

³⁰ См.: Шахрийар Накви. Фархангнави-йи Фарси дар Хинд ва Пакистан-Тегеран, 1341/1962, стр. 20.

³¹ Например, „Тарих-и Табаристан“ Мухаммада ибн Хасана Исфандийра, „Тарих-и Гузиде“ Хамдаллаха Мустауфи, „Тезкире“ Даулатшаха, „Негаристан“ Казии Ахмада Гаффари, „Силсила аз-захаб“ Джамии.

³² Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или Четыре беседы; E. G. Browne. Revised Translation „Chahar maqala“ of Nizami Arudi of Samarqand. Cambridge, 1921; Тарджума-йи араби „Чахар макале“ ба нам-и „Ал-макалат ал-арбаа“ ба калам-и Абд ал-Ваххаб Азам. Каир, 1949; Макале-йи чахарум-и „Чахар макале“ — Дар илм-и тиб ва хидайат-и табиб-ра ага-йи Абд-ал-Баки Гулпигарли ба турки тарджуме шуд, Стамбул, 1936; Тарджуме ба урду аз мавлави Ахмад Хасан сахиб Савати ба матн-и фарси ва фарханг. Дели [б. д.]; Les quatre discours de Nizami Aruzi trad. par Isabelle de Gastines, Paris, 1968.